

Годы, века, своим течением меняют всё – психологию, нравы, деньги, еду, одежду, оружие, даже внешность людей, но не меняется проклятая константа: жить на Руси хорошо доводится только небольшой группе людей.

В чём тут дело?

Некрасов в глобальной своей, классической поэме, не стремится сыскать ответа: давая скорбную констатацию, как широкую панораму русской жизни: с дремучей нищетой, дьявольской несправедливостью, свинцом реальности – в определённом смысле растянутой на века.

Некрасову в большей мере, чем кому бы то ни было из классиков поэзии, было присуще сострадание: недаром так пел первый его перл:

Вчерашний день, часу в шестом,
Зашёл я на Сенную;
Там били женщину кнутом,
Крестьянку молодую.
Ни звука из её груди,
Лишь бич свистал, играя...
И Музе я сказал: «Гляди!
Сестра твоя родная!»

Кристалльно-прозрачный, совершенный стих, текущий скорбью, как кровью, косвенно призывающий к изменениям жизни...

Космос Некрасова обширен и многозвучен; взмывы его поднимаются до звёзд не воплотившейся мечты, касаясь лучами общественного идеала; и музыка некрасовских созвучий никогда не изменяет основной формуле звука: даже и страдания живописуя, она сладка, как ключевая вода в жаркий полдень.

Каков пейзаж, рисуемый стихом!

С ним хочется соприкоснуться, войти в него – столь он великолепен, так ощущаешь его:

Славная осень! Здоровый, ядрёный
Воздух усталые силы бодрит;
Лёд неокрепший на речке студёной
Словно как тающий сахар лежит...

Разумеется, «Железная дорога» не сосредоточена на показе природных картин, столь богатых на Руси, иной пафос движет стихом, и вечное, русское:

Жаль только – жить в эту пору прекрасную
Уж не придётся – ни мне, ни тебе.

Сквозь высоты музыки отзывается извечной же болью...

Снова разойдётся «Мороз, Красный нос», поражая великолепием: зачарованные стоят леса, как великолепные музеи природного могущества; лежат мощные льды, зачехлившие реки; и, только вступишь в зимний, русский лес – слышится:

Не ветер бушует над бором,
Не с гор побежали ручьи,
Мороз-воевода дозором
Обходит владенья свои.

И какую силой, какую верой в бесконечную творческую мощь народа звучит хрестоматийный «Школьник»...

Сострадание некрасовской музыки – ко всем, попавшим в жизнь, вынужденным в ней искать себя, да так, чтобы не слишком утеснять других – велико, как велика и вера в замечательное грядущее. И если со вторым нам удаётся соприкоснуться мало, всё время наступая на пресловутые грабли, первого нам так не хватает! И как знать? Возможно, второе неразрывно и связано с недостатком первого?

Тут вдумчивое чтение Н. А. Некрасова может помочь.

2

Страшно начинается, страшно длится, врзается в сознание:

Савраска увяз в половине сугроба –
Две пары промёрзлых лаптей
Да угол рогожей покрытого гроба
Торчат из убогих дровней.

Жёсткие, морозом скреплённые картины; а музыка, волшебная музыка мороза, всё равно звучит величественно: вечным...

Но – жизнь лучше не будет: есть, как есть – не поверить, что когда-то настанет другое время:

Привычная дума поэта
Вперёд забежать ей спешит:
Как саваном, снегом одета,
Избушка в деревне стоит...

Патриархальность, сходящаяся с трагедией; трагедия, отрицающая нужность оной патриархальности...

Речь пойдёт о крестьянской жизни, являвшейся вариантом креста на Руси на протяжении многих и многих веков.

Речь польётся, живописуя драмы, которые перекусывают жизни людские, и речь эта – будет музыкой жизни, с которой... ничего, казалось, не сделать.

Но – она будет изменена, однако, даже круто, даже сильно!

И всё равно – Мороз-воевода обойдёт свои владения, и будет трещать и стрелять великолепный, синеватый, снежный пласт...

Будут громоздиться красоты снежного, отливающим розовым, серебра, будет природная мудрость; хотя панорамы, развёрнутые в поэме, отрицают мудрое устройство общества.

Тогдашнего.

Но и теперь особо нечем гордиться.

3

Мы сталкивались с дедушкой Мазаем с ранних лет, поэма входила в детский мир священным образом доброты, и зайцы – эти милые зверушки, всегда ассоциирующиеся с детством, – представляли своеобразным символом: знаком помощи, необходимой всем.

В естественности некрасовского стиха есть своя, особая гармония плавности, напевности: его хочется именно пропевать, а не читать.

...Кажется, в конце жизни Некрасов изверился в словах:

Слова... слова... красивые рассказы
О подвигах... но где же их дела?
Иль нет людей, идущих дальше фразы?
А я сюда всю душу принесла!..

Возможно, так оно и было, ибо даже въедаясь в сознание народное, стихи не способны менять действительность; но, насыщая волнами сострадания – и любви! – пространство – Некрасов в большей мере, чем кто-либо другой из поэтов, готовил перемены, а что они необходимы, следовало из общего хода жизни.

Честность и честь, определявшие путь Некрасова-поэта, не подлежат разрыву:

О муза! я у двери гроба!
Пускай я много виноват,
Пусть увеличит во сто крат
Мои вины людская злоба –
Не плачь! завиден жребий наш,
Не наругаются над нами:
Меж мной и честными сердцами
Порваться долго ты не дашь
Живому, кровному союзу!

Тут только одна ошибка: не «долго», а «никогда»...

4

Он был новатором – Некрасов: он вводил в поэтический оборот речения купеческие, простонародные, разные, совершая в поэзии работу, аналогичную той, что в прозе вершил Достоевский, сшибая самые различные языковые пласты.

Как бытово, но и бытийно звучит:

У купца у Семиглотова
Живут люди не говеючи,
Льют на кашу масло постное,
Словно воду, не жалеючи...

Какова ёмкость строки, дающей полную картину существования определённых людских пространств!

Разойдутся «Коробейники»:

Ситцы есть у нас богатые,
Есть миткаль, кумач и плис.
Есть у нас мыла пахучие –
По две гривны за кусок,
Есть румяна нелинючие –
Молодись за пяточок!

Ленты перечислений, густые, многоцветные наполняют стихи, что коробка; слово переносится, играет, вспыхивает самоцветно...

И всё – русское, раздольное, мрачное, страшное...

Да, да – ибо вечно смешано у нас многое, ибо позорное крепостное право длилось долго, и отменено было поздно; ибо крестьянское бытие, так плотно и полно описанное Некрасовым, было кошмарно...

Его метафизика – это постижение русского мира: с жаждою изменений: назревших, насущных.

Душно! без счастья и воли
Ночь бесконечно длинна.
Буря бы грянула, что ли?
Чаша с краями полна!

Поэтические формулы поэта входили в коллективное сознание, меняя его: если уж стихи не способны менять реальность...

Из пантеона русской классики, три поэта, думается, наиболее соответствуют понятию «народный»: Пушкин, Некрасов, Есенин; но именно в Некрасове сила сострадания проявлена с наибольшею полнотой.

5

Вольное дыхание некрасовской строки, продиктованное честностью и величием его музыки.

У каждого великого поэта она своя, и некрасовская, диктующая: Славная осень... – слишком знает русский воздух и красоту пейзажа...

Никому на Руси жить хорошо не будет! Ибо и власть имеющие, и в усадьбах сидящие почувствуют бездну, грозящую им.

Никому не будет хорошо – и закружившийся хоровод, о котором Некрасов не знал ничего, не мог предчувствовать, поднимая массы людские, принесёт столько жертв, что страшно станет.

Некрасову было больно от несправедливости мира: «Вчерашний день, часу в шестом», – стихотворение, сделавшее Некрасова поэтом, ярко свидетельствует об этом.

Некрасов вырубал стигмат сострадания на душах читателей, ибо без него они – души – мертвы.

Некрасов видел Мороз – красный нос – во всём его великолепии, что могло бы открыться только детям, свято верившим в Деда Мороза...

Стеклянные своды зимы заиграют тонкой сканью, великолепно переливаясь и играя всерьёз.

Будущий школьник, отправляющийся учиться, узнает, как может стать великим архангельский мужик.

Некрасов ввёл столько новых речений в поэзию – чиновничьих, купецких – что новаторство его стиха становится очевидным.

Световое море, открытое над нами, передано поэтом с умною силою и добрым мастерством (а оно бывает разное); и жизнь поэтического свода Некрасова столь полно растворилась в русском космосе, что грядущее не может корчиться в безъязыкости и отсутствии сострадания, как сейчас, когда, вероятно, мы проходим дорогами ложного грядущего...

6

И трауром, и светом пронизано стихотворение «Памяти Добролюбова», заучивавшееся некогда в школах; дававшееся блестящим образцом поэтического шедевра...

Рано умерший критик и публицист представлял молодым мудрецом, настолько владевшим собой, что не верилось в подобные возможности в раннем возрасте.

Подчинение страстей рассудку есть дар, или достижение самодисциплины?

Возможно, Некрасов перехватывал, выдавая желаемое за действительное; но, воспевая добродетели Добролюбова, был последователен в изложении своей точки зрения на добродетель вообще.

Отказ от мирских наслаждений (которым вряд ли был чужд сам поэт) в пользу чистоты: столь же мало реальной в человеческом сообществе, сколь и привлекательной для многих здравых умов.

Любовь к родине, которой отдаются труды, надежды, помышленья.

Образ Добролюбова – с вещим пером, так рано выпавшим из рук, рисуется ярко и остро, тут словно использована тушь: техника рисования которой требует особой сосредоточенности и мастерства...

И стихотворение – высеченное в пространстве, чтобы не погасли его строчки-линии – вспыхивает и сегодня: примером, призывом, умной силой...

7

Обороты наращивались, популярность росла: Некрасов, совместно с писателем и журналистом Панаевым берёт в аренду у Плетнёва журнал «Современник», основанный ещё Пушкиным...

Литературная молодёжь, на которую всегда возлагаются избыточные надежды, переходит к Некрасову, распрощавшись с Краевским; также поступает и В. Белинский, передающий Некрасову часть материалов для несостоявшегося, задуманного им издания с грозным названием «Левиафан».

«Современник» бурлит.

Он представляет лучшее, что есть в литературе: и многое из него уходит через современность в будущее: и далее – в гипотетическую вечность.

Сколько энергии в человеке!

Кажется, и в карты Некрасов играл с тем же неистовством, что писал и занимался издательской деятельностью.

Бесплатные приложения к журналу также добавляют ему популярности; однако, грядёт «мрачное семилетие»: правительство Николая I, напуганное событиями французской революции, начинает преследовать передовую журналистику, мешать бытованию лучшей литературы.

В дальнейшем редакция «Современника» оказывается расколотой на поборников умеренности и радикально настроенных последователей Гоголя.

Умирает Добролюбов, ссылают в Сибирь Чернышевского и Михайлова.

Удары тяжелы.

Острая некрасовская сатира «Газетная», высмеивающая цензуру, добавляет неприязни в мутный котёл правительственного неприятия «Современника»; через какое-то время журнал закрывают.

Издательская деятельность Некрасова, как линия ответвления литературного дара: столь же высокого, сколь и смелого, как смелым был журнал.

8

...Талант варит сатиру, как бальзам, необходимый для излечения язв общества: их достаточно в любом: порою они собираются в гроздь, практически деформируя тело социума настолько, что мало кто поймёт, каким оно должно быть в реальности; сатирические струи промывали творчество Некрасова с 40-х годов: и были связаны с обострённой чувствительностью и воспалённой совестью, не дававшими мириться с предложенным вариантом мироустройства. В 60–70 годы Некрасов создаёт целые, сияющие пласты сатиры, изобретая новые жанры, подобно тому, как стихи и поэмы насыщал новыми, ранее не привычными языковыми богатствами. Некрасов пишет стихотворные памфлеты, поэмы-обозрения, клубные сатиры; он высмеивает, заливая кислотой сарказма, цензуру, он не верит в благотворность отмены крепостного права, полагая в нём уловку...

Лирическое начало теряется, возникает стихотворный фельетон, близкий к полям водевиля, наконец, появляется большая поэма «Современники», где гротеск чередуется с иронией, а шары фарса лопаются над пиками сарказма; таким образом, проявляется новая эпоха русской сатирической поэзии: означенная и начатая Некрасовым.